

Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин – родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: «Старый покос» (Повести. Иркутск, 1983); «Поздний сын» (Повесть. Москва, 1988); «Яко богию землю нареки» (Очерки. Москва, 1991); «Боже мой...» (Роман. Предисловие: В. Распутин. Москва, 1996); «Воля» (Повести, рассказы. Предисловие: В. Личутин. Иркутск, 1998); «Диво» (Сибирские байки, сказы, рассказы. Иркутск, 2001); «Утоли мои печали» (Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006); «Не родит сокола сова» (Роман, повесть. Москва, 2011); «Озёрное чудо» (Повести, рассказы. Москва, 2013); «Небесная тропа» (Рассказы. Иркутск, 2014). Составитель книг: «Россия древняя и вечная» (Иркутск, 1992); «Русский месяцеслов» (Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998); «Думы о русском с древнейших до нынешних времён» (Иркутск, 2017).

БРАТЧИНА

Рассказ

На туманном и стылом закате жизни Елизар Калашников, заштатный профессор истории, поминал далёкое, говорливое, хмельное студенческое застолье на морском валуне; вспоминал и поражался: уже на рассвете восьмидесятых жарко спорил с однокурсниками о том, что в окаянные девяностые годы обрушилось на бедовые русские головы...

Под линиялым, безоблачным небом призрачно серебрилась рябь рукотворного ангарского моря, белела опалённая солнцем бетонная дамба, где чайками посиживали купальщики и купальщицы, где изрядно устаревшая заморская певчая ватага «Бони М» надрывала лужёные глотки: «Варварра жарит кууур!..» Скользили на водных лыжах парни и девицы, вспахивая море, оставляя долгие борозды, пенистыми бурунами бегущие к берегу; и плыла вдоль побережья, красуясь и похваляясь, белоснежная крейсерская яхта с белыми парусами; а на палубе люди в белом ублажались музыкой: отчаянно голосил... о ту пору уже полузабытый... итальянский парнишка Робертино Лоретти: «Чья ма-а-а-айка?.. Чья ма-а-а-айка?..» Деревенские мужики, недолюбливая Никиту Хрущёва, почитая тогдашнего главу государства за бестолочь, посмеивались, де, ловко Никита песню перевёл: «Чья майка?.. Чья майка?..»

Истекли хмельным соком спелые семидесятые годы; народились восьмидесятые... Счастливые – хоть и начитались до одури, но свалили, не завалили сессию – гулевы студенты-историки пировали у рукотворного моря. Не завалили, да и кому заваливать, ежели к морю, упарившись на сессии, сошли студенты, что по знанию могли иного доцента за пояс заткнуть.

Отыскали поляну, воистину выпивальную, утаённую от слепящего солнца и гомонящего пляжа, – глухим и тенистым плетнём обнесли поляну кусты боярки и черёмухи, и море голубело сквозь узкий просвет, словно ветром отпахнулась калитка; а посреди поляны – старое костровище с тремя сухими валёжинами, что неведомо как и очутились на безлесном морском берегу. Над боярышником, правда, торчала статуя Ильича с голубыми на лысине; статуя неодобрительно косилась на пьющих комсомольцев, но ёрники лишь посмеялись над Ильичом, вспомнили: катишь на троллейбусе через плотину, и перед управлением ГЭС есть место, откуда Ильич выглядит похабно... Помянув пару анекдотов про Ильича, пять добрых молодцев, азартно потирая руки, оглядели поляну: есть на что сесть – валёжины, а на чём пить?.. Тут же волоком и катом втащили на угор плоский валун, ловко угнездили на старом костровище – столешня, постелили газетки, накроили хлеба, холодца и ливерной колбасы,

чтоб занюхать, выставили дешёвенькое пойло: «Листопад», портвейн «777», в большой и тёмной «противотанковой» бутылке, и «Агдам», по прозвищу «Я те дам!». И вдруг выяснилось: забыли в общаге гранёные стаканы, а коль пить из горла дурно... худо-бедно пятикурсники, не мелюзга... отыскивали возле пустых лежбищ и стоянок жестяные банки, отшоркали песочком, омыли морской водой, голышами сплющили края и водрузили на каменную столешню. Палевая ржа крапила жёсть, края банок словно мыши грызли, но... при буйном воображении... вроде серебряные чары с золотым крапом ублажили стол.

Сели на валёжины, похожие на кости мамонта, омытые дождями, опалённые зноем до серебристого свечения; сгуртились у первобытного стола и не столь пили, сколь языками молотили... благо без костей... словно цепами снопы колотили, и не доброго зерна намолотили, – напылили: думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов. Обвыклись в университете языками брякать, привадились, полуночники, в общаге лясы точить вечерами и ночами, а уж в застолье, как ныне, хлебом не корми, дай почесать языком.

К худу ли, добру ли, бог весть, но слово за слово, и студенты – вроде ярые интернационалисты, завтрашние коммунисты – вдруг ощутили, что за каменным столом сбился разноплеменной суглан¹: Тумэнбаяр – монгол, прозываемый Баяром, что кичился европейским образованием, – три года учился в Белграде, а когда Югославия побранилась с Монголией, монгольские студенты рванули в Россию, и Баяр очутился в Иркутске; Арсалан Хамаганов – бурят из древнего племени хориидов; Елизар Калашников – великорус из староверческого корня; Тарас Продайвода – малорус или червонорус; Егор Коляда – белорус, прозывающий себя на белорусский лад Ягором. Застольный интернационал гуще бы замесился, ежели бы на выпивальной поляне очутились и прочие друзья Елизара: Давид Шолом – коренной иркутянин, выходец из еврейского купечества, разбогатевшего на винных откупах; Болеслав Черский – из польского села, до коего от Иркутска рукой подать; Ваня Кунц – германец из немецкого села в Казахстане, куда его родичей в начале войны... от греха подальше, абы к фрицам не метнулись... Сталин вытурил из Поволжья в казахские степи; Фарид Мухамедшин – татарин из приангарского татарского села, хвастливо толкующий: де, вас, русских, поскребёшь, нашего брата татарина отскребёшь («и монгола...») – добавлял Баяр); Тимофей Нива – орусевший финн, обливаясь хмельными слезами, доказывающий, что он финский барон Тойво Ниву, у его деда барское поместье с рыцарским замком, на что приятели, ведая, что Тимоха – детдомовский выкормыш, согласно и почтительно кивали головами.

В друзьях, что испуганно и жадно косились на воинственную батарею бутылок, мало выжило племенных и родовых примет: если у степняков, монголов и бурят да и у русских казаков... испоконных... ноги гнулись дугой, извечно изготовленные к верховой езде, словно приросшие к лошадиным бокам, то у потомков – оглобли, затянутые в штаны, узкие в ляжках, ниже колен расклешённые; к сему Арсалан – рыхлый, барственно вальяжный, в серой футболке и линялых американских джинсах, а Баяр – сутулый, тощий, близорукий, укрывший глаза толстыми чёрными очками, словно конскими шорами, в чёрном вельветовом пиджаке, при галстукке и портфеле, вроде давая понять, что он отпрыск монгольского дарги², что, народившись, сосал резиновую пустышку, а не бараний курдюк³, подобно чадам кочевых чабанов, пасущих овец в степи. Червонорус Продайвода, коротко стриженный, за воловью силу позаочь величаемый Амбалом, белорус Ягор Коляда, тонкий и звонкий, словно тростник на ветру, с каштановой гривой до плеч, – оба внешне уже мало походили на древних славян; за долгие века выветрилось синеокое, русое славянское, к родовым стволам привились хазарские, турецкие, арабские ветви, порождая смуглые плоды. Походил бы на исконного славянина Елизар, белокудрый, светлоглазый, но... шибко уж невзрачный: комлистый, малорослый, косопятый, с большой, словно с чужого плеча, ушастой головой, похожей на кочан капусты. Хотя белый русак и малый русак скудно сберегли русачьего в духе и нраве, но в застолье вдруг вспомнили родную мову...

Широко сидя на валёжине, словно на киевском князем престоле, вольно отмахнув крылистые плечи, Тарас Продайвода окликнул застольников:

¹ Суглан (бурят.) – собрание.

² Дарга – вельможа.

³ Курдюк – бараний хвост, оголенный и проваренный, совали младенцам в рот вместо резиновой пустышки.

– Голодранцы усіх країн, спопайтєсь до купы! – И когда други чинно расселись на валёжины, похозяйски оглядел напитки-наедки, вздохнул: воистину голодранцы – холодец из бычьих костей, ливерная колбаса и «бормотуха»... эдакое пойло не пить, им заборы крыть, крыс травить.

– А сала німа, и галушек німа... – подсказал Ягор Коляда.

– Но и бульбы не зрю, и белорусских драников... У кацапов¹ же в гостях... – Тарас сболтнул лишка, спохватился и, вознеся рыжую банку, словно турий рог в серебряной опояске, сладкопевно возгласил: – И рече киевский князь Володимир: «На Руси есть веселие пити, не может без него быти»... Ну что, братья славяне и чада степей, сдвинем задравные кубки за други своя, за народы россиятея!..

Продайвода, не глядя на юные лета, походил нынче на Тараса Бульбу, вольготно и вальяжно сидящего в полковничьем седле, на гнедом могучем жеребце; ещё бы сивый оселедец, свисающий с бритой головы, да усы подковой – вылитый батько Тарас, казак запорожский, оборонявший Русь от басурман и ляхов. Гарный хлопец смахивал и на Остапа, Бульбина сына; а сидящий рядом Ягор – вроде Андрій, сладострастный брат Остапа, обменявший Русь на лукавую полячку.

Други чокнулись банками жестяно и глухо, словно в общаге из боязни гневливой и ворчливой комендантши; выпили братчинные чары и азартным ором пропели застольную:

Коза давала молока бидон,
А у бидона был двойной зажим,
А как напьёмся,
Так лежмя лежим!..

Между первой и второй промежуток небольшой, пуля не просвистит: снова выпили и загомонили, словно куры на жердевых насестах. Елизар, хвалясь учёностью, помянул древлеотеческое поучение:

– Не реку непити: не буди то! Но реку не упиватися в пьянство злое. Я дара Божия – вина – не похулю, но похуляю тех, кои пьют без воздержания. Речено: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы Царства Божия не наследят. – Елизар, чтущий русское Средневековье, изрёк поучение и домислил: – К сему, паря, в братчинных-то пирах и крепилась дружба. А без дружбы, в народе баяли, народ – дикий огород, заросший дурнопьяною травой...

Елизарова учёность не поборола сельский говор, коим он, юродиво кося под деревенского дурня, щеголял, судача с коренными горожанами или книжными мужами.

* * *

Книгочеи с отрочества, а ныне студенты университета... со дня на день ввинтят в лацканы «поплавки»²... вольно ли, невольно повели учёную беседу о братстве народов, и в един голос пропели: де, Сибирь, да и вся матушка Россия – летний луг в радужном свечении тихих и ярких цветов, народные эпосы в их древней мудрости и красе, – а посему долг верного сына России... запомнили, что Тумэнбаяр из Монголии... приложить все творческие силы для процветания Отечества, дабы многонациональное российское поле не обратилось в страну дураков, в мертвенно-серый полигон, взъерошенный ракетами.

Елизар... потом вышло, на свою шею... помянул: де, Фёдор Достоевский, славянофил-почвенник, в гениальной речи на открытии памятника Пушкину изрёк истину, усадив западников задницей в лужу: писатель, художник лишь тогда всемирный, когда узконациональный; лишь народной самобытностью художник интересен миру, поучителен и назидателен.

¹ Хохол, москаль, кацап – русские в сердцах обзывают украинцев хохлами за своеобразную причёску – хохол (оселедец) на бритой голове. Украинцы, в свою очередь, дразнили русских москалями, поскольку в старину именовали Северо-Восточную Русь Московией. Позже к «москалям» добавилось и прозвище русских – кацапы, что означало *как цап*, то есть *как козёл*; носящий бороду, как у козла. Русские носили бороды, когда на Украине по европейскому обычаю бороды уже брили и ношение бороды считалось признаком неопрятности и бедности. У Гоголя в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» читаем: «Проклятые кацапы... едят даже щи с тараканами», и писатель поясняет: «кацап» – русский человек с бородой. Но есть предположение, что слово «кацап», обозначающее русских, произошло от слова «касап», что на крымско-татарском языке означает «живодёр, скотобоец».

² Нагрудные знаки о высшем образовании.

Други не пустили в душу мысли Достоевского о русской народности в искусстве, им ближе питерские западники, плевавшие на русскую народность с Эйфелевой башни, но парни сочили: не грех выпить и за Фёдора Михайловича – душевед, мистик, в Европе и Японии нарасхват; да и мужик свой, любил азартные игры, а парни, бывало, ночи напролёт дулись в карты, из кармана в карман пересыпая медь и серебро. Позапрошлую зиму Елизар, помнится, неделю резался в карты и, махнув рукой на лекции, из общаги носа не казал – морозы же, но когда продул стипендию, зарёкся. Вот и Фёдор Михайлович, прости ему Господи, играя в рулетку, случилось, всё имение спускал до нитки, у богача Тургенева клянчил деньги, что не мешало костерить благодетеля: «Может быть, Вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, эта злорадность, с которой я Вам описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбляли. Но, ей Богу, я не в силах; он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне всё равно, хотя со своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на всю Россию от русского изменника... Его ползание перед немцами и ненависть к русским я заметил давно, ещё четыре года назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходит единственно от неуспеха “Дыма” и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие, и это тем пакостнее...» Впрочем, ранее Тургенев вкупе с Некрасовым прилюдно осмеяли Фёдора Михайловича в похабном стишке: «Витязь горестной фигуры, Достоевский, милый пыщ, на носу литературы рдеешь ты, как новый прыщ...»

Лет через семь, одолев аспирантуру и защитив учёную степень, доцент Елизар Калашников, обороняя Достоевского от западников, сбивчиво, обиженно, словно унизили и оскорбили отца родного, оглашал студентам идею русской народности, коя не в лаптях и кислых щах, не в серпе и квасе... хотя и се добро... но в исконной русской любви к Вышнему и ближнему, ко Святой Руси. А лет через двадцать профессор Калашников уже толково проповедовал народность в русском искусстве:

«После братоубийственной сечи, когда самозваная нерусь и русская нежить, искусив вседозволенной волей обезбоженных бар, разночинцев и пролетариат, воцарилась в Кремле и побивала иереев, архиереев, рушила православные храмы, ёрнически осмеивала русские обычаи, обряды, понятие народности в искусстве было “выброшено с корабля современности”... Но явился Сталин, и очнулся народ от безверия и безродности, одыбал и заголосил, было, о русской народности в искусстве, но... свалилась на грешные головы хрущёвская оттепель и заткнула рты кукурузными початками. Всплеснулись народные души в брежневскую эпоху, и всплески навечно замерли в сияющих творениях, но... по грехам опять попустил Господь: Землю Русскую, уже и не державную, не имперскую, словно смрадным, серным дымом из преисподней, заволокло сребролюбием и сладострастием. Моё поколение – поколение смуты и прозрения – запоздало поймёт, как Запад, выигравший у России “холодную войну”, обвёл вокруг пальца русскую интеллигенцию: диссидентов соблазнил “вседозволенной волей”, “почвенников” искусил ностальгией по деревенской и старгородской Руси, по нетронутой дикой красе лесов, полей и озёр. Искусив и одолев Россию, вручил Запад русской колонии “вседозволенную волю” – пейте, пойте и пляшите, бесово отродье, на отеческих костях, в русском Кремле, как на ведьмовском шабаше. От “вседозволенной воли” – заросшие дурно-пьяной травой колхозные пашни, беспросветно нищая деревня, кокетливые старокрестьянские избы в музее под открытым небом, и пригородные пашни, выпасы и покосы, на корню скупленные варнаками, по коим горько плакала тюрьма...»

Но се случится на ветреном и стылом перевале веков, ныне же, в затишье, Арсалан вспомнил: – Великий казахский поэт Алжас Сулейменов сказал: «Серая раса – сволочи...»

Елизар смутно, неосмысленно, уже в тихие брежневские лета чуял грядущее лихо, спустя годы облачив былое предчувствие в словесную ткань:

«Укутает землю кровавый мрак, если человечество пожрёт чёрный демон окаянного безродства; гибельно для мира, если “серой расой” в жажде царства и наживы, в расовом помрачении души и разума явятся шинкари, всеу обменявшие богоизбранность на похоти мира сего. У “серой расы” – чёрный поводырь, что кровожадным стервятником кружит над землёй, искушая художниш народы, сталкивая в межнациональной и междуособной кровавой брани...»

– Негодяи, не помнящие родства, – Ягор согласно кивнул Арсалану.

В лад им Елизар напыщенно изрёк:

– Не имеющий народности не имеет нравственных законов. Так-то вот, господа старики...

– Да які они к бісу чоловіки?! Роботы! – Тарас махнул рукой в сторону купальщиков и купальщиц, где наявлявал транзистор и гулёны из «Бони М» пели: «Хочешь потолкаться, детка?..»

На исходе века профессор Калашников будет внушать студентам:

«В эпоху дьявольскую глобализма и космополитизма обережение национальной культуры – не ради этнического сплочения и национального выживания, а, перво-наперво, чтобы грядущие поколения не выкинули на историческую свалку народные идеалы совести и братчины, кои веками свято оберегались, лелеялись в душах, в обычаях и обрядах всякого народа, пусть не в буржуйском содоме, а в мудром простонародье. Без идеалов миру не выжить, как не выжить без солнца, когда смрадная, клубящаяся тьма покроеет землю...»

– Тарас, они не роботы, – Ягор глянул в сторону пляжа, где горожане купались и загорали под любострастные вопли «Бони М»: «I love you!»¹ – нет, старики, они – быдло: пьют, жуют, плодятся... Чем они отличаются от африканских дикарей?!

– Во-во, – согласился Тарас. – Анекдот слышал: два африканца окончили МГИМО², укатили в джунгли. Один стал министром просвещения, другой – президентом племени. И вот министр просвещения пишет бледнолицему приятелю в Россию: «...Ваня, у нас беда: президент, с которым мы учились в Москве, упал с кокосовой пальмы и сломал хвост...»

Елизар поморщился: смутило высокомерие, словно на гнилом древе с ржавой банкой сидел малорус, а русая бестия со свастикой на рукаве, отроческим румянцем на щеке и демоническим пламенем в безумном взоре.

* * *

И пестом и крестом братья-студенты отбивались от безродства окаянного, но... слово за слово, малорус и белорус вдруг попрекнули русских в насильственной русификации народов Российской, потом Советской империи, и Арсалан согласно кивнул косматой головой: мол, и буряты пострадали от насильственной русификации.

Здорово, ещё не высохли на хмельных устах славословия Державе Российской – дубовый ковчег, где малые народы спасаются от вселенского дракона, пожирающего вольные племена с их угодыями; уже и на Святую Русь раззявил пасть клыкастую, истекающую кровавой пеной, смердяще пахнущую преисподней; и часа не прошло, хвалили други Россию, коя обороняла братушек от хищных турецких ятаганов, коя на стёртом и сбитом русском горбу вытащила малые народы из языческого сумрака к свету горнему, а вот уже Россия – злобный мировой жандарм, страна рабов и дураков, а в Европе и Америке – рай земной.

Елизар помянул Пушкина: «Ты просвещением свой разум осветил, ты правды чистый лик увидел, и нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел...» Други не поняли, с какого бока-припёка Елизар Пушкина приплёл, ибо не чуяли, что скорбел Александр Сергеевич, глядя на порождённую Петром русскую образованщину, коя либо брезгливо косилась на смердов, либо, хуже того, обезбоживая, искушая земной волей и сытой долей, ввергала смердов в кровавую смуту, в лютую тьму преисподней, где огонь, сера, вопли и скрежет зубовный.

Ягор вдруг вспомнил:

– Византийская империя... кстати, многонациональная... процветала десять столетий, а Российская – три века, и не процветала, а прозябала во тьме и нищете. Но и Византийская империя рухнула, когда греки... титульный народ... потянули на себя одеяло, посеяли межнациональную рознь. Империя ослабла, турки её полонили, и захлебнулась Византия в крови... Вот и русские, вроде греков...

– Вы чо, паря, рехнулись?! Белены объелись?! Вас что, пыльным мешком из-за угла?! – возмутился Елизар, но растолмачить, что напраслину возводят на русский народ, не смог – бойкого ума не хватало, а посему братья-славяне, обнявшись с чадом степи, в жарком споре уложили русака на лопатки. Елизар даже застыдился, что русский, но ещё бормотал: – Какая на фиг русификация?! Может, бурятизация?.. Русский фольклор читает доцент Баирма Бадмаевна, хотя кандидатскую и докторскую защищала по бурятским улигерам³, а старославянский – про-

¹ «Люблю я тебя!..»

² МГИМО – Московский государственный институт международных отношений.

³ Улигеры – эпические сказания о былых временах в бурятской народной поэзии.

фессор Зорикто Мункоевич, да ещё и на лекциях похваляется: на международной конференции по старославянскому языку победил славянских учёных... Ладно, мужики, пусть была русификация малых народов, – вроде согласился Елизар, – но если бы не русификация, если бы не блистательные русские переводы, кто бы знал азиатских писателей?! Знали бы в аулах, кишлаках и аймаках... Благодаря русским на весь мир прозвучали Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Дондок Улзытуев... и несть им числа...

Елизар споткнулся, узрев, никто его, поверженного, не слушает; вялая вышла оборона, курам на смех, лишь раззадорила друзей-недрузей. Елизар вопрошающе взгляделся в друзей... ладно, Арсалан – сибирские народы таят обиды на русских, вроде неожиданно-незвано явились в их земли, вломились в их угожья, – хотя что Арсалану до родной земли, коли англоман с пелёнок, спит и видит себя в туманной Британии?! С Арсаланом ясно: сколь волка ни корми, вечно в лес смотрит... в Британию, короче... но чего вздыбились русские братья?! Елизар и белорусов и малорусов почитал за русских. Да-а-а, русы, вы похожи на болгар: сколь русские спасали братушек от змеистой турецкой сабли, столь братушки русских и предавали. Оно, вроде, и грех винить западных славян: не предавая русских... братушки вырешили... им не выжить под гнётом соседних держав, кои спят и видят погибель русскую, молятся о погибели русской денно и ночью... Но в Елизаровом селе, поминая эдаких славян, мужик плюнул бы через левое плечо, где анчутка беспятый, и матюгнулся: мол, не братушки, а чушки... А что уж говорить о польской шляхте, коя страшится духа русского, словно бес ладана. Как ни крути, ни верти, одна надежда – малые и белые русаки да сербы...

Тарас, вроде добывая Елизара, лежащего на лопатках, прочёл из Шевченко, который вдруг окрысился на русских, обзывая москалями и кацапами: «...Ляхи були – усе взяли, кров повипивали, а москалі і світ Божий в путо закували... Москалики, що заздріли, то все очухрали. Могили вже розривають та грошей шукають...»¹

Вольно разумелся малорусский говор, и скудоумец бы смекнул: камень Кобзаря – в русский огород; но Елизар молча сглотил русскую обиду: нечем крыть брехню, не подвернулось козыря на Кобзаря. А лет через десять, выведав роковину опального Кобзаря, Елизар поскорбел: эх, братец ты наш единокровный, в гайдамаки обрядился, науськала тебя польская шляхта, ненавидящая Русь, вот и плёл, словно ивовые корчаги, небылицы про сивую кобылицу, чем и отблагодарил русских: выкупили тебя, холопа, выручили тебя, раба подъяремного, а иначе до седых волос жил бы казачком у пана, спяливал бы с пьяного барина жупан, стягивал пропотевшие пыльные сапоги; русские же, выкупив тебя, голого батрака, выучили в академии, восславили как поэта и художника; и не русские, Кобзарь, загнали тебя в могилу, не солдатская служба, где ты воынил, а пьянство увалило тебя в гроб; да и солдатчину ты схлопотал не за вольнодумство, не за украинофильство, а за похабный и дерзкий стишок против императрицы: «Царица небога, мов опеньок засушений, тонка, довгонога, та ще на лихо, сердешнее, хита головою...»; а рисовать тебе, хитрец², запрещали потому, что при обыске шукали и нашукали альбом с похабными рисунками, и в справке Третьего отделения так и звучало: «рисовал неблагопристойные картинки».

Плеснул масла в огонь и Ягор, прихильник Тарасов:

– Тургенев, западник, в пух и прах разнёс русофилов, а заодно и Достоевского... Дурни, молились на русский народ, как на икону. Богоносцы, мать вашу за ногу... На пьяниц и лодырей молились, на дураков молились; в сказках: Иванушка-дурачок на печи валяется, дурью мается; палец об палец не ударит, а ждёт: манная крупа с неба свалится...

– Манна небесная, – поправил Тарас.

– Я и говорю: манка... А если и робили, то как рабы подъяремные...

– Пьяницы, лодыри?! – Елизар выпучил глаза, в которых полыхал гнев. – Пьяницы, лодыри создали Великую Российскую империю?.. Да?.. А перед духовной мощью Империи мир трепетал!..

¹ Ляхи [польские] были – всё взяли, / Кровь повывипивали, / А москалі и свет Божий / В цепи заковали... Москалики, что завидели, / то всё забрали. / Могили уже разоряют / Да денег шукают...

² Хитрец (библ.) – художник.

– Однахам, Раднахам, будет драхам, – засмеялся Арсалан, глядя на двух взъерошенных пехоту; вот так же, поди, веселились скуластые ордынцы, глядя, как бранились русские князья, а у холопов... не чубы трещали, буйны головы слетали.

Елизар спорил до хрипоты, задыхаясь от гнева, размахивая руками, брызгая слюной; и усмешливо косились на него братья-славяне, что и спорили-то не из любви к роду-племени, не ради правды; спорили забавы ради, дразнили горячего и запыленного Елизара.

– Русские – пахари, каких свет не видывал! А Емелюшки, Иванушки – блаженные, почти святые, которым на Руси – храмы...

Ягор вроде не сдавался, смеха ради задорил Елизара:

– В Европе – цивилизация, у русских – кислые щи и вонючие лапти... Кстати, Достоевский же и вспоминал: «...Тургенев говорил... мы должны ползать перед немцами... есть одна общая всем дорога и неминуемая – цивилизация, и все попытки русизма и самостоятельности – свинство и глупость...»

– В Иркутске было сорок храмов, в столице сорок сороков, и все – памятники зодчества... Тоже рабы, лодыри и пьяницы возводили?!

– Храмы... – И Тарас снова навалился на кацапа: – Так царизму и выгодно было строить храмы, чтобы рабы молились и не брыкались... Лучше бы рабочим и крестьянам приличное жильё строили...

Ох, как братья-славяне сейчас были похожи на Чекистова!.. Если бы Елизар, прочтя, вызубрил и знал назубок «Страну негодяев» Сергея Есенина, то напомнил бы братьям-славянам и чадам степей странную беседу Чекистова с Замарашкиным:

«Чекистов: – Нет бездарней и лицемерней, чем ваш русский равнинный мужик!.. То ли дело Европа! Там тебе не вот эти хаты, которым, как глупым курам, головы нужно давно под топор...»

Замарашкин: – Слушай, Чекистов!.. С каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и чёрт с тобой, что ты жил за границей...

Чекистов: – Ха-ха! Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей. Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет, потому что... потому что хочу в уборную, а уборных в России нет. Станный и смешной вы народ! Жили весь век своей нищими и строили храмы Божиим... Да я б их давным-давно перестроил в места отхожие...»

Тарасу надоела перебранка, и он щедро плеснул в ржавые банки багрового «Агдама».

– Ну что, хлопцы, увьпьем уводки, як гутарили древнегреческие римляне...

– Если бы водки да с томатным соком – «Кровавая Мери»... Пьём клопомор, краску, заборы красить... – сморщился Арсалан.

Баяр, насмешливо глядя на братьев-славян, что ополчились на русака-сибиряка, напомнил: «Из-за княжеской усобицы мои предки и полонили Русь». Елизар, смалу памятливым, узрел, услышал древнее, долетевшее из ковыльной степи эхом сабельного звона и шипения стрел, эхом воплей и предсмертных стонов, эхом вороньего грая и бабьего плача:

«...Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани гряхуть, трупиа себе деляче... А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуце на Рускую землю... Чръна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровию поляна: туюю възыдоша по Руской земли... Уньиша цветы жалобою, и древо с туюю къ земли преклонилось... Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки!..»¹

«Эх, миру бы мирово, – толковал Елизар в грядущем веке, – не ратиться бы миру, не умирать бы малым чадам в адских муках, не выть бы по-волчьим вдовам, а чтобы... тугой лук – коромыслице, калёны стрелы – веретеница...»

Лишь спустя долгие годы Елизар памятливым оком вдумчиво взгляделся в братьев-славян, с коими протирал штаны на университетских лавках, на дружеских пирушках братался, бранился и вновь обнимался; взглядевшись же, запоздало смекнул: одного поля ягода – западенцы –

---

¹ «...Тогда по Русской земле редко оратаи кликали, но часто вороны гряжали, трупы между собой деля... А князи [междоусобицами] сами на себя крамолу ковали, а поганые сами с победами нападали на Русскую землю... Чёрная земля под копытами костями была засеяна и кровью полита, скорбью взошли они по Русской земле... Уняли цветы жалобно, и древо с тоской к земле преклонилось... [Да будут] здравы князья и дружина, борясь за христиан против поганых полков!»

окатоличены и ополячены, русских не любят. Не случайно же Тараса вытурили из Киевского университета и сослали в Сибирь. Хитрецы... в старину – художники... малевали лубочные картинки в киевском кафе, и Тарас подсоблял, вроде казачка на побегушках, а через неделю зоркое око узрело в размалёванных хлопцах Стефана Бандеру и Романа Шухевича, что верховодили в Организации украинских националистов (ОУН)¹. Тарас в пьяных застольях смехом поминал: «Мужик один, фронтовик, пригляделся и бачит: “Дюже личат, вылитый Стефан Андрийович и Роман Йосипович... – И заорал старый дурак: – Бандера – це ублюдок, якого треба було спалити, як Жанну д’Арк, разом з його близькими! Україна не для фашистів і нацистів! смерть Бандерам і їх прихильникам! Росія вас нагне!.. Трошки терпіння, і отримаєте по заслугах, гайдамаки хренови!..” Долго орал – выжил из ума старый дурак...» Похоже, Тарас умолчал, что зазвучало в его западенской душе: Бандера и Шухевич – герои, кровь проливали за Украину незалежную, вольную от москалей. Похоже, для Тараса и Ягора русская земля – чужбина, а чужбина, яко домовина...

Рыжей осенней листвой слетят с дерева жизни суетные годы, и остывшая земля укроется снежным саваном; очнётся стихотворец Ягор Коляда, с покаянной любовью вспомнит, что белорусы, червонорусы и великорусы – братья единокровные, чада матушки Руси; а Тарас Продайвода... уже и не рус, но потомок древних укров, упавших с Луны в Малоруссию... будет клясть москалей в «мировой паутине» и славить бандеровских душегубов. А профессора Калашникова, помянувшего Тараса, вдруг озарит роковая мысль, словно голос явится с небес:

«Господи милостивый, не устами же укра глаголит народ украинский; не народ же – безумец укр, нехристями купленный с потрохами, не народ же – отщепенец, интеллигенция гнилая: рядится в шаровары и кошулю, расшитую обережными крестами, повязанную кушаком, треплет оседелец на бритой башке, покручивает вислые хохлатские усы и жадно взирает на Запад: вдруг бросят кость с барского стола; и хорошо бы на лету схватить, иначе другие сцапают... Да и среди русаков эдаких вдоволь... Но то не русаки и не украинцы – быдло безродное, что за гроши заморские сеет рознь между славянами, а из розни зреет брань братоубийственная... Но, слава богу, простолюдые – русское, белорусское, червонорусское – умудрённое Господом, не искущённое заморским бесом, извечно ведало с любовью: мы – братья во Святой Руси, и, коли ворог ступит на Землю Русскую, за други своя, яко за братьев во Христе, не пожалеем живота...»

Но то случилось позже, а пока... Братья-славяне и гордый сын степей, оборов русака и забыв мимолётную ссору, заливали байки: изгалялись над Брежневым, что царил в те лета, – вроде дурак дураком; потом измывались над верховной властью и госбезопасностью, поносили Сталина, гробокопатели, и ржали над русским Иваном – дубина стоеросовая, над чукчей Степаном – и того дурней; смеялись над страной дураков, с завистливым вздохом вглядываясь в морское морево, словно высматривая за прибрежным хребтом вожделенный буржуйский рай с джинсами из морской парусины или «чёртовой кожи», с джином и ромом, сигаретами «Мальборо» и дешёвыми портовыми шлюхами.

Скоро, скоро недоумки запоют: «Я буду плакать и смеяться, когда усядусь в “мерседес”... Американ-бой, возьми меня с собой...» Русский народ утерял страх Божий, пал на мутной и кровавой заре двадцатого века, но, бог даст, вырвется из блудного плена и тлена, вновь облечётся во Христа и просияет в подлунном мире, о чём пророчили Божии угодники, а западные народы давно уж померли, янки же и вовсе не родились.

Парни поскорбели, что не взяли Шолома, в загашнике которого, словно злые осы, роились хлёсткие анекдоты; и бывало, на переменах, в сизой от дыма курилке, словно в пьяном кружале, Давид Шолом махнёт рукой: «Старики, есть свежий анекдот про жидов... Помирает Сара Абрамовна, а сынок её Мойша сидит в ногах, поджидает; и вот лежит Сара Абрамовна, глядит в окошко, а за окошком – рябина, а на рябине – синичка... “Синичка...” – шепчет старуха, а сынок строго: “Мамо, не отвлекайтесь...”» Студенты, что, разиня рты, сбились возле Шолома, надсаживают животы от хохота...

¹ По жестокости верховодов ОУН можно поставить в один ряд с самыми кровожадными тиранами. Во время Второй мировой войны по их распоряжениям были жестоко казнены десятки тысяч русских, евреев; не жалели они и родной украинский народ. Реки крови затопили бы весь Евразийский материк, если бы по злой воле судьбы или нелепой случайности Степан Бандера пришёл к власти на Украине или, не дай бог, после войны возымела бы успех подрывная деятельность бандеровских банд, целью которых являлось распространение своего влияния в глубь советских территорий, создание реальной военной силы, способной сокрушить Советский Союз.

Нынче же Тарас травил байки: – Брежнев шаркает по Третьяковке... Глядит на Врубеля – «Царевна-лебедь»... Причиндалы шепчут: «Врубель...» – Дальше Тарас противно шамкает, причмокивает, изображая старого правителя: – «В рубль?.. Красивая картина, и так дешёво: в рубль...» Проходит мимо колонны, где зеркало: «Это ещё что за чучело?..» – «Зеркало...» – опять шепчут причиндалы. «А-а-а, Тарковский “Зеркало”, знаю, знаю...»

Канет век, Елизар помянёт былых друзей и подивится:

«Ладно Арсалан – в британском бреду, брезгливо живущий в царстве глупцов; ладно Ягор – любодейный стихотворец, богема, без Бога и царя в кучерявой башке, но Тарас – румяный комсомольский вождь, вечный комиссар студенческого строительного отряда, в партию вступил на третьем курсе, в речах громил Европу и Америку, что посеяли “холодную войну” против Советского Союза, и... по заугольям травил анекдоты против советской власти и, выходит, был тайным прихильником врагов Империи. Всё смешалось в хитромудрой душе Тараса...»

Но ведь Елизар тоже слушал поганые байки, где позорился родной народ, и от хохота по полу катался, хотя любил Россию как родную мать, почитал власть, гордился госбезопасностью, по-сыновьи чтил Брежнева: худо-бедно с благословения властелина в русское искусство вошли лапотные мужики; и не под конвоем, как пролетарии после кровавой смуты, а по зову песенной души.

«...В искусство мужики входили робко, боясь кирзачами поцарапать помещичий паркет; смущённо косились на академиков, но с годами осмелели и, воспевая мужика и бабу от серпа и молота, воспевая хлебородную ниву и доменную печь, явили миру творения слова, живописи и музыки, не уступающие произведениям дворянским. В поле русского искусства возросло и заматерело древо простолюдной жизни, с кореньями, кои вспоила, взлaskала мать – сыра земля, с величавой кроной, осиянной крестьянским солнцем...» – о сём, запоздало осмыслив, и писал профессор Калашников, но то случится после, ныне же...

* * *

Юный Елизар не вмещал в страстную и суетную душу святую миссию русских, избранных Богом, спастись и спасти мир от гибели вечной; лишь через десять лет молодой, да ранний, высоколобый учёный Елизар Калашников, помяная историю государства Российского, яро бранясь с просвещёнными западниками, изложит в сочинении:

«По злой мировой воле... а мировому супостату православный русский народ, яко ладан для князя тьмы и смерти... свершалась не русификация – навязывание малым народам русского духа и русского языка, – а насильственная русскоязычная космополитизация, да исподволь – англоязычная. И русские пострадали страшнее, чем малые народы, коль русская поросль не ведаёт народных обычаев и обрядов, коль утратила любомудрую народную речь, и песен старинных не поёт. Но то лишь цветочки-лепесточки трепыхались на лихом ветру, волчьи ягоды вызрели после, когда со вселенским громом рухнула Народная Империя, и нежить, воцарившаяся в Кремле, погребла русский мир, для почина запретив народные песни; и блатной хрип, похотливые куплеты, лицедейские байки, англоязычные вопли помоями захлестнули русскую землю. Воспевая западное мертвотушии, просвещенцы... вырожденцы!.. испокон веку из русских жестоко выбивали русское, словно жизнь из ворога; и безбожная большевистская власть в сем преуспела; сталинская вроде очнулась от поганого безродства, дала русскому народу поблажку, а в брежневские времена простолюдье явило миру творческую мощь, но и “пятая колонна” не дремала, после смерти миротворца ухитила власть, и космополитизация, набрав бешеную англоязычную силу, почти сокрушила народ...»

Мудрая мысль приходит опосля; ныне же Елизар лишь виновато склонил голову долу: верно, русские угробили малые народы, но, мол, повинную голову топор не сечёт.

Лет через десять Елизар, постигая русский мир, развенчал бы малоруса, белоруса и сына степей, поведав русскую судьбу:

«Как в домостройной семье, русскому народу Бог даровал судьбу старшего брата, коего родители не балуют, но смалу, словно тягловых лошадей, впрягают в сани и дровни, а другим народам – судьбу младших либо хворых братьев, коих родители... имперская власть... жалеют, холят и нежат. Басурмане сыто посмеивались в холёные бороды: Ванька-дурак – голодный,

холодный, порты в заплатках, сапоги каши просят, но... с ракетой, а ракета не для власти и наживы, как у заморских прощельг, но ради мира и благочестия, ради процветания народов.

Простец, не вспоивши, не вскормивши, ворога на хребет не наскребёт; или ещё судачили: испил пива да тестя в рыло, а привеши пироги, тёщу-дуру в кулаки... Инославец, откормившись, презрительно плюнет в русскую спину: "Русак-дурак..."; а упаси бог, занедужит русский медведь, набегут шакалы, вчера подобострастно вилявшие хвостами, ныне рвущие шкуру. Обидится русский, поплачется, но, оклемавшись, зла не помнящий, снова да ладом ублажает, примиряет, дабы жили народы мира в любовном ладу, в неге и холе. И что мы, русские, за народ такой, коль и герой – Иванушка-блаженный, который лишь для того и явился на белый свет, чтобы, туго затянув кушак на тощем брюхе, перебиваясь с хлеба на квас, бродить по миру и, не жалея живота, оборонять слабых, спасать бедолажных, утирать слёзы страждущим, подавать милостыню голодающим?! А в старину ещё и спасать для жизни вечной, крестя и облекая во Христа. В каком ещё народе столь юродивых во Христе, коим солнечно сияют и закатно пылают купола церквей, коль весь русский род после Крещения юродивый?! Где столь блаженных, не умеющих жить мудростью дольней, но жаждущих мудрости горней?! Ну, поди, не вечны дураки да юродивые, а уж как поумнеют русские, за своё именование ухватятся, вот уж забедует, запоёт Лазаря земной шар: перегрызутся народы, яко псы, демоном натравленные друг на друга; некому будет спасать, оборонять, и мировой Молох пожрёт мир.

Колотясь лбом в степь ковыльную, в мерзлоту вечную, в таёжные мхи, малым народам, яко на икону, молиться бы на русских, кои на своём хребте, сбитом до крови, выволокли малых братьев из феодальной тьмы к мировой цивилизации».

Канет четверть века, грамотеи, властители-растлители русских умов, очарованные Западом, отвадят и народ жить по-божески, по-русски, и падёт народная власть, и на землях былой Российской империи азиатские народы, колотя в шаманские бубны, с безумными воплями станут русских, веками живущих бок о бок, унижать, оскорблять, побивать, изгонять с земель отичей и дедичей. Елизар, сострадая братьям и сёстрам, осмыслит то, о чём спорил на студенческой пирушке, о чём толковал в лекциях, и обнаружит имперские мысли в сибирском альманахе «Созвездие дружбы», который создал по благословию губернской власти. Когда малая толика тиража вышла в свет, загудели, словно осинные гнёзда, ложи малых народов; взвыли украинцы, белорусы, поляки, прибалты, бесчисленные азиаты, обитающие в Иркутске: «...сам!.. редактор!.. – русский националист!.. сам!.. редактор!.. сеет межнациональную рознь...» Губернская власть, опрометчиво доверившись остепенённому учёному, не предвидела русофильской статьи Калашникова, схватилась за голову, стала утешать и ублажать малые народы: мол, горе-редактор с треском вылетит. Позвонил чиновник из ведомства, кое следило за межнациональными трениями, и поскорбел:

– Я согласен с твоими мыслями, Елизар, но ты, брат, совершил ошибку: ты, редактор межнационального альманаха, печатаешь крамольные мысли о малых народах в передовой статье... Альманах же – не простой... народов Восточной Сибири. Эх, если бы поставил статью в полемическом разделе...

Позже позвонила чиновница из ведомства, радеющая за альманах:

– Елизар Лазаревич, скоро губернская конференция по межнациональным и межконфессиональным отношениям, и мы думали вручить участникам «Созвездие дружбы». Не пропадать же тиражу... Но ваша передовая статья... – чиновница задумалась, как ласковой выразить мысль, но, ничего путного не выдумав, сказала прямо: – Вы не против, если мы вашу статью вырежем?... Три листа, легко удаляются...

Елизар, вообразив, сколь нервотрёпки доставил замордованной чиновнице, вяло махнул рукой:

– Делайте, что угодно...

И случилось же, в журналистскую шатию-братию, освещающую сабантуй малых народов, угодила Елизарова дочь, пославшая записку по мобильному телефону: «Папа, негодяи вырезали твою статью из альманаха. Сейчас Новаку дам в морду – катит бочку на тебя...» Елизар повеселел, засмеялся, живо вообразив, как дочь, махоня с задорно курносый носом, пытается заушить долговязого и горделивого Исаака Новака, почтенного сибирского учёного, чистейшего поляка, что похаживал в синагогу и костёл.

Книжные беседы притомили, и для полного счастья Арсалан – англгоман, меломан, битломан – врубил портативный магнитофон, и ватага битлов, от коих сходил с ума мир... безумный, безумный, безумный мир... любострастно запела:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much it makes you sorry
Still you don't regret a single day
Ah, girl, girl, girl.

– Арсалан, ты великий меломан, битломан, англгоман, переведи нам, диким, о чём битлы стонут?.. от похоти?.. от наркотиков? – съязвил Елизар, коего миновала повальная зараза студенческой поросли – пристрастие к модным англоязычным песням. Елизар в отрочестве и юности любил лишь народные песни, любил до слёз, ликующих и опечаленных, и за народную песню, как народную душу, мог глотку перегрызть насмешнику.

Арсалан, высокомерно и снисходительно оглядев деревенского валенка, перевёл песню, похоже, зная на зубок вольное переложение на русский язык:

Кто подскажет, как мне быть и что мне делать с нею.
Я влюбился, на свою беду!
Не жалею ни о чём, и обо всём жалею,
а уйду – и вовсе пропаду...
Ах, девушка, девушка, девушка...

Когда Арсалан по-русски поведал песню, Елизар фыркнул, разочарованно покачал головой:

– И от такой муры битломаны дуреют?! «Жили у бабуси два весёлых гуся...» – и то мудрёнее...

Ухом не поведя в сторону Елизара... дикарь... Арсалан толковал песню:

– Глубокий вдох в припеве символизировал либо тяжёлое сладострастное дыхание, либо долгую затяжку. Битлы пристрастились к марихуане и стали ловко вставлять в свои песни намёки на наркотики. Партию бэк-вокала исполняли Пол Маккартни и Джордж Харрисон, ритмично напевая один и тот же слог. Они должны были петь “dit-dit-dit-dit”, но ради шутки спели “tit-tit-tit-tit”, что по-английски – сиська...

– Я не понимаю молодёжь... – старчески проворчал неуёмный Елизар.

– А ты кто, дед? – усмехнулся Тарас.

– Не понимаю, как они слушают... тех же битлов, если в английском дуб дубом. Вроде нас... дикарей, – насмешливо глянул на Арсалана.

– Вроде вас, – уточнил тот.

– Сенька, бери мяч¹, – так в устах Елизара, якобы на аглицкий лад, прозвучала благодарность Арсалану. – А давайте, братцы, споём русскую народную...

– Русскую народную, блатную, хороводную... Зачем русскую?! Можно и белорусскую, – Ягор подгрёб гитару, покрутил колки, побренчал и, томно укрыв глаза длинными ресницами, взыграл и запел:

Вы шуміце, шуміце
Нада мною, бярозы,
Кальшыце, люляйце
Свой напеў векавы.
А я лягу-прылягу
Край гасцінца старога,
На духмяным пракосе
Недаспелай травы...

¹ senkju veri mach (англ.) – спасибо, весьма благодарен.

– Егор, дай-ка мне гитару, – попросил охмелевший и осмелевший Елизар и, несуразно брэнча, вдруг, на диво компании, затянул по-латыни:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!
Vivat Academia!
Vivant professores!
Pereat tristitia,
Pereant dolores!
Pereat diabolus,
Quivis antiburschius
Atque irrisores!¹

Парни слушали латынь, вытаращив глаза от удивления: и когда, подлец, вызубрил песнопение древних студентов?! Потом Ягор протянул руку:

– Ну ты, бурсак латинский!.. верни-ко инструмент. – Взяв гитару, проворчал: – Не умеешь играть, не мути воду... Лучше споем-ка, братцы, из вагантов². – И громко запел, ёрнически подражая Давиду Тухманову:

Во французской стороне,
На чужой планете,
Предстоит учиться мне
В университете.
Вот стою, держу весло,
Через миг отчалою.
Сердце бедное свело
Скорбью и печалью...

Бражка, утомлённая латынью, ожила, загорланила; Арсалан всплёскивал ладонями, Елизар колодил банкой в порожнюю бутылку, Тарас бил ладонями в тугое брюхо, словно в бубен, даже сумрачный Баяр повеселел, хлопая в колени.

Тихо плещется вода,
Голубая лента.
Вспоминайте иногда
Вашего студента.
Верю, день придёт, когда
Свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
Если те профессора,
Что студентов учат,
Горемыку школяра
Насмерть не замучат,
Если насмерть не упьюсь
На хмельной пирушке,
Обязательно вернусь
К вам, друзья, подружки!

---

¹ Давайте же радоваться, / Пока мы молоды! / После весёлой молодости, / После тягостной старости / Нас примет земля. / Да здравствует Академия! / Да здравствуют преподаватели!.. / Да сгинет печаль, / Да сгинут горести! / Да сгинет дьявол, / Всякий враг студентов, / А также насмешники!

² Ваганты (от лат. *vagantes* – странствующие) – «бедные люди» в Средние века (XI–XIV века) в Западной Европе, способные к сочинительству и исполнению песен или, реже, прозаических произведений.

Пригубляли чаши за здоровье, вершили за упокой... Охмелевший... может, на старые дрожжи плеснул винца... помрачневший Арсалан, обиженно глядя на Елизара, неожиданно изрёк:

- Я знаю, что ты сейчас думаешь.
- Старик, ты уже мысли читаешь?.. И что я думаю?
- Ты думаешь, что я – бурят...

Елизар в недоумении уставился на Арсалана, не уместая в душе его обиду, и все удивлённо затихли. А Баяр, глядя сквозь чёрные очки, усмехнулся:

- Я – монгол, и горжусь, что я монгол. Монголы полмира покорили...
- Наш однокурсник Давид Шолом – еврей, так ему что, вешаться?.. топиться?.. – спросил Ягор, отложив сладкострунную.

– Зачем вешаться? – усмехнулся Тарас. – Монголы полмира покорили, а жиды – мир. Монголы – кривыми саблями, жиды – хитростью... Ну, бурят да бурят, я – хохол, Елизар – москаль...

– Хохлы сожгли родную хату, куда теперь пойти буряту... – ни к селу, ни к городу вставил Елизар ходовую в студенчестве, потешную и, казалось бы, глупую присказку; но кто мог провидеть: канет полвека без малого – супостаты сунут малорусам огниво, и те, як малые дурковатые детины, запалят Украину.

- Иди, Арсалан, искупайся, – посоветовал Ягор. – Полегчает...

– Айда, братцы, купаться! – Елизар резво вскочил с валёжины, оголился до синих семейных трусов и, как в деревенском детстве, вприпрыжку поскакал к морю.

За боярышником, ивняком и черёмушником отпахнулся берег; на седых, опалённых зноем топких песках загорали обнажённые горожане, а на тёплой, словно парное молоко, тинистой отмели плескались ребятишки, иные без трусов, и матери, бабки поглядывали, покрикивали на чадушек. Елизару привиделась деревня: серебристые дощатые мостки, далеко забредающие в озеро, сонное, ленивое, зеленоватое на мели; и он, малый, бесштаный, купается у берега; а мать, полоща бельё с мостков, нет-нет да и, заслоняясь ладошкой от слепящего солнца, кричит обычное деревенское: «Зарька, вылазь на берег!.. Опять вглубь полез!.. Утонешь, паразит, домой не приходи...»

Елизар, обойдя шумные семейные таборы, миновал трёх девиц, распластанных на песке, искоса позарился на девью статью, и в знойном мираже вдруг померещилась Дарима, возлюбленная из бурятского аймака: губы – капризно изогнутые лепестки саранки, щёки – степные зори, и тело, украшенное голубым купальником, – смуглая рассветная степь, плавно изогнутая увалами, что светятся сиреневыми, голубоватыми цветами ая-ганга¹.

Покоем и блаженством дышало июньское море; призрачно, словно мираж, словно грёзы, синели далёкие хребты; белели, словно снежные гольцы, башенные дома предместья Солнечного; слепяще сверкали на солнце чайки; летели, горделиво задрав носы, моторные лодки с гомонящими ватагами, и белой павой, вальяжно вихляя игривой кормой, плыла вдоль берега крейсерская яхта; а с палубы плыла и, вливаясь в чайчий плач, плескалась над тихим морем любострастная японская песня. Вслушиваясь в пение, умиляясь детскости японского звучания, Елизар брёл по отмели и невольно подпевал сёстрам Дза Пинац... правда, на русском языке²:

...Смотрю на залив и ничуть не жаль,
 Что вновь корабли уплывают вдаль.
 Плывут корабли, но в любой дали
 Не найти им счастливей любви.
 А над морем, над ласковым морем
 Мчатся чайки дорогой прямою,
 И сладким кажется на берегу
 Поцелуй солёных губ...

¹ Ая-ганга (бурят.) – степной цветок, по-русски величаемый чабрецом и богородичной травой.

² Японская песня на русском языке прозвучала в узбекском фильме «Нежность».

Забредя по горло, затылком чуя взгляды девиц, загорающих на песке, Елизар, похваляясь, плавал и кролем, и брассом, и селезнем нырял, подолгу кружа средь изумрудных водорослей, распугивая серебристые сорожки стайки. Донырялся – в голове зазвенело, и, когда отпыхался, узрел, как из черёмушника вылетели два степных орла в плавках – матёрый Тарас и гибкий Ягор. Зорким и хищным ястребиным оком окинули хлопцы пляж, высматривая дзяучын, словно жертвенных коз, и вскоре уселись подле трёх девиц, перед коими Елизар только что выхвалялся. Пареньки искушаются глазами, дивчины – ушами, и вообразил Елизар, как гарні хлопцы соблазняют – по-уличному, снимают – купальщиц-загоральщиц: Тарас, парубок денежный, сманивает в кабак, Ягор, томно опушая глаза по-девичьи длинными тёмными ресницами, искушает избраницу любовным стихом, вроде: «...Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, сядем в копны свежие под соседний стог. Зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет. Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты...» – И, заманивая, покажет Ягор на густые черёмушники и боярышники, и дзяучына, охмелевшая от любодейных речей, от зеленоватых, кошачьих очей, в сладостных чарах готова вроде не токмо в кусты, а и на край света.

Кажется, девицы, заболтанные, очарованные хлопцами, согласились посетить выпивальную поляну, украсить мальчишник, но сперва решили искупаться, остудить жар, палящий душу. Ребята и девчата дружно забрели в море; но... увидел Елизар... Ягор, торопыга, стал лапач дивчину... у хлопца просто: раз – и на матрас... и дивчина, развернувшись, угостила горе-ухажёра гулкой пощёчиной.

Что случилось дальше, Елизар не видел, уплыл за мыс, поближе к плотине ГЭС, и, когда, чертыхаясь на скользких камнях, затянутых зелёной тиной, выбирался на берег, вдруг оторопел: на сокровенной поляне, под разлапистой ивой, священник... светло-серый подрясник, на русой гриве фиолетовая бархатная скуфья... яко простой смерд, ивовым сучком бодрил тихий костерок, варил чай в закопчённом котелке, жарил окуней, нанизанных на тальниковый рожон; а рядом на пикейном покрывале возле чайных чашек сидела матушка с малыми ребятами, словно курица с цыплятами. Елизар, грешным делом, лишь в кино да на картинках видел поповские семейства: поп – толоконный лоб, поперёк себя шире, в двери не пролазит; матушка – квашня кичливая, бранливая, и чадушки – пышные оладушки. А здесь батюшка – сухой, русобородый, перепоясанный широким ремнём с золотистой бляхой, – воистину воин Христов; матушка – худенькая, светленькая, а трое ребят-дошколят – подсолнушки с васильковыми очами.

Елизару хотелось потолковать с батюшкой о том, о чём болела душа, о чём бранился в кочевом застолье с недругами-другами; хотелось, но не хватило смелости... Лишь на рубеже веков Елизар снова встретит батюшку и, сдружившись, спросит то, о чём шумели бурсаки на морском берегу; и батюшка, седовласый настоятель иркутского храма, Елизаров духовник, побожившись, перекрестившись, ответит:

– В Писании же как?... Для Бога нет ни эллина, ни иудея, но... Господь же возлюбил евреев, избрал евреев и вочеловечился среди евреев... Поскольку все народы бесам жряху – язычники, бесам поклонялись, а евреи – Богу истинному, Иегове. Но хотя Бог и возвысил евреев над человеками, не смогли иудеи устоять перед похотями мира сего: и золотому тельцу поклонялись, и пророков убивали, и Сына Божия распяли... И тогда Господь избрал русский народ, возлюбил, и русские понесли Бога, чтобы спасти худобожий мир... И как предрекал Серафим Саровский, православные славяне сольются в единое царство под грозную и святую русскую руку¹...

Но Елизар услышит заздравную русским, прожив полвека и... воистину промысел Божий... встретив батюшку из полузабытой бурсацкой юности; ныне же Елизар, скользя на камнях, падая, с горем пополам выбрался на берег, поковылял мимо поповского семейства и, минуя батюшку, глянул, и взгляды их сошлись, замерли...

---

¹ Пророчество преподобного Серафима Саровского: «Перед концом времён Россия сольётся в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрёк устами Святых: “Грозное и непобедимое Царство Всероссийское, Всеславянское Гога и Магога, пред которым в трепете будут все народы”. И всё это, всё верно, как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрёкший о нём и его грозном владычестве над землёю».

Синеватые тёплые сумерки выстоялись над морем; и пареньки запалили костерок, наломав сухих ивовых сучьев. Разлили остатки-сладки, и... попала шлея под хвост... Ягор возгласил:

– Есть идея...

– Идея лебедей? – поинтересовался Тарас.

– Нет, идея без лебедей. Рождённый пить, любить не может... Короче, есть идея: а не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

Застолье дружно возопило: «Послать!..» – и тут же кинули на пальцах, гонцом вышел Баяр... на радость приятелям: не надо сбрасываться по рублю, у Баяра денег, как у вахлака махорки. Но, убоявшись хулиганов... отберут деньги у близорукого и тщедушного Баяра... послали и Тараса – кося сажень в плечах. Когда гонцы вернулись, да не с бутылочкой винца, с двумя «Столичными», когда выпили, охмелели, Тарас неожиданно кинулся на Елизара:

– А ты, Елизар, случай, не из жидив?

– С какого боку-припёку?

– Имя еврейское, отчество еврейское – Елизар Лазаревич...

– А-а-а, вон оно что... – И тут Елизар, на диво сокурсников читавший Библию, растолмачил: – Про бедного Лазаря даже пионеры знают... Древнееврейское имя Елеазар значит «Бог помог»... В Ветхом Завете – третий сын Аарона, получивший священство. Померли два старших брата, не оставили наследников, вот к Елеазару и отошло первосвященство, и утвердилось за его родом... А в Новом Завете Елиуд родил Елеазара...

– Мужик родил? – подивился Ягор.

– Тёмный ты, паря, как зимняя ночь... Так говорили древние евреи... Не перебивай... Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос...

– Во, во, во... – со злорадным восторгом огласил Тарас, – я и бачу, что ты из жидив.

– Глянь на меня: ты видел русее?

– Ну и что?! – Ягор подоспел на помощь к Тарасу. – Исконные евреи из древних израильских родов тоже русые. Это хазарские иудеи с азиатчиной...

– Смуглые – сефарды, – нежданно-негаданно уточнил Арсалан, – выходцы из арабских, испанских, индийских земель, а европейские – ашкенази, те светлые...

– Во, во, светлые... – согласно кивал Тарас, сокрушённо и сострадательно глядя на горемычного Елизара. – Так что... Опять же, старик, имя у тебя – Елеазар...

– Дался вам Елеазар. Да у меня брат – Исай, сестра – Устинья, дед – Лазарь, бабка...

– Ясно море, – пожал плечами Тарас, – ты же в семье не один еврей.

– Какие евреи?! По материнской линии мы вышли из староверов, а у староверов сплошь библейские имена. Дикие вы люди... Был даже русский святой Елеазар Анзерский...

– Тоже, поди, из евреев.

– ...в Соловецком монастыре основал Свято-Троицкий Анзерский скит...

– Значит, выкрест, – не унимался Тарас.

– От народец, а! – засмеялся Елизар. – Если в кране нет воды, значит выпили жиды. Да?.. Вот мы, москали, к евреям относимся спокойно, а чего хохлы на них окрысились?! Богоизбранный народ, между прочим... Сам Бог в еврейском народе воплотился. Апостолы тоже евреи, и ветхозаветные пророки, что Христа предрекали... Жаль, что и пророков побили, а потом распяли и Христа, что в человеческом образе...

– А потом и вашу Русию угробили... Тьфу! – досадливо сплюнул Ягор.

– Почему вашу? Ты же – русский.

– Я – не русский, я – бялорус.

– Во, во, рус... Да ты бялый рус, может, русее великоруса. Как и малый рус... Хотя... для Бога несть ни эллина, ни иудея...

Очнулся от хмельной дрёмы мрачный монгол:

– Чингисхана свято чтит Монголия как великого полководца, завоевавшего полмира, как создателя Великой Монгольской Империи...

– ...И жестоко вырезавшего полмира, залившего кровью и слезами полмира, – вставил Елизар. – Даже и монгольскую племенную элиту вырезал, не жалея детей, стариков и старух...

– Ханы веками сеяли смуту, и реками лилась монгольская кровь. Чтобы остановить кровь, сплотить монголов в империю, нужно было вырезать племенную и родовую элиту... Что у русских сотворил Иван Грозный и создал Царство Русское. Но в Монголии-то Чингисхана высоко чтут – национальный герой, а почему в России Ивана Грозного клянут? Герой же национальный...

– Так у москалей жиды правят, – пояснил Тарас. – А жиды ненавидят Грозного, прижал им хвост. Грозный им, что серпом по брюху... А москали... дурковатые, продажные... у жидив на побегушках. И тоже костерят Ивана Грозного. Сталин пытался вырезать жидив, так ныне – заклятый враг. А тоже, как Чингисхан, создал Великую Советскую Империю...

Неожиданно Тараса осёк Ягор, дружок его закадычный:

– Ты что, прославляешь кровавых деспотов?! А при чём здесь евреи?! Эти изверги свой народ вырезали...

Заспорил и Елизар:

– Но у деспотов и великие заслуги перед Россией...

– Какие заслуги? Чего ты бредишь?! Плахи, виселицы, тюрьмы и лагеря – вот и все их заслуги...

Не вслушиваясь в перепалку друзей, Баяр усмехнулся:

– У бурят герой – Хитрый Будамшу, вроде арабский Ходжа Насреддин, любого обманет, у цыган – Данко-вор, любого обворует, а у русских – Иванушка-дурачок... Что может быть доброго у русских, если у них национальный герой – дурак?!

– Он – святой!.. – вздыбился Елизар. – Последнюю рубаху ближнему отдаст...

– Он – дурак...

Баяр сквозь зубы выцедил полстакана бормотухи и, воинственно глядя на Елизара, вспомнил былое:

«...Теснимые монголами половцы пали на колени перед русскими, их клятыми врагами: простите Христа ради, спасите!.. а кто старое помянет, тому глаз вон. Русские князья решили подсобить половцам и встретить неведомого врага за пределами Земли Русской. Ратоборцы вышли встречу монголам. Ложным отступлением монголы заманили русских и половцев к берегам реки Калки. В июне 1223 года случилась кровавая сеча на Калке. Дружины русских князей бились разрозненно: ох уж эта удельщина, убоища!.. Увлечлись преследованием отступившей лёгкой монгольской конницы и попали под удар их главных сил. Дружины Мстислава Удалого, Даниила Галицкого и Мстислава Черниговского были разгромлены. Киевские полки Мстислава Старого не вступили в брань, но монголы окружили их и вынудили сдаться».

– Десять тысяч русских монголы побили в сражении, пленили девять князей из восемнадцати, уложили под брёвнами помоста и пировали на князьях, наслаждаясь их воплями, – поминал Баяр. – А русских баб и девок...

– Ну ты, Чингисхан, успокойся! – сурово осадил монгола Елизар, враждебно глядя в его лицо, плоское, словно пустыня Гоби, злое и жёлтое. – А то я тебе, дружище, устрою Куликово поле...

Помянулось смешное и грешное... Вешней порой, когда коты и кошки, ватажась на чердаке, с воплями и стонами вершили свадьбы, и в студенческой общаге пахло похотью и сиренью, кою архаровцы безбожно ломали, забираясь в частные усадьбы. Даже заморённый буддийской хитроумностью Баяр, в коем, чудилось, текла ленивая степная кровь, и тот ошалел от сладострастной сирени, сплёл стих, надеясь лирикой соблазнить русскую деву: «Твои глаза, как пустыня Гоби... Я пошёл танцевать с тобой танго, и ты меня раздавила, как танком...»

Елизар жил с монголом в старой университетской общаге в одной клетушке-комнатушке и дружил, поскольку оба сочиняли: Елизар – роман о Грозном царе, Баяр – русскоязычные стихи, да и вырос Елизар в забайкальском селе, среди бурят, кои монголам – кровная родня. И хотя ночами похаживала к монголу монголка, и парочка, тыкен да ярочка¹, радела до рассвета, Баяр положил глаз на русскую деваху, и однажды накрыл щедрый стол в ревсомольской² комнате, куда и заманил деву, увы, с Елизаровой помощью – клюнул вечно голодный студент на обильные яства, сомустился, любитель вы-

¹ Тыкен, ярочка – баран и овца.

² Ревсомол – революционный союз молодёжи.

пить на дармовщинку. Да и Баяр ввёл Елизара в заблуждение: мол, влюбилась в него деваха, сохнет на корню...

Выпили архи... водочки, по-русски... закусили степной бараниной, и монгол завёл знойное танго, и попёр на девушку танком.

Утомлённое солнце тихо с морем прощалось,
В этот час ты призналась, что нет любви...

Елизар выпивал, закусьвал, искоса поглядывая на танцующую пару, хотя... танцы уже обращались в похабные обжиманцы: Баяр, уткнувшись мутными очками в обильную грудь... деваха оказалась на голову выше Баяра... теснил жертву к стене, где гарцевал на белом жеребце потомок Чингисхана, Дамдин Сухэ-Батор, монгольский революционер. Слева от портрета желтела дверь в чулан, где ревсомольцы хранили знамёна и портреты вождей для первомайских демонстраций. Елизар мрачнел; запоздалое раскаяние палило душу, словно за бутылку водки продал сестру в басурманский гарем. Брезгливо отодвинув чашку стылой баранины, зло плеснул в глотку полстакана сивухи и мысленно посулил: «Нет, раскосый и скуластый, не дам девку в обиду; не видать тебе русской девы как своих ушей...» И уж хотел было подняться из-за стола, но тут и деваха учуяла: палёным пахнет. Попросила ключ... монгол запер ревсомол... вроде, нужда прижала, и Баяр, уверенный, что покори сердце русской девы богатыми напитками-наедками, тут же выдал ей ключ. Дева скользнула в дверь и, неожиданно заперев приятелей на ключ, вернулась часа через два, презрительно кинула ключ в отпахнутый ревсомол, где Баяр под хмельной хохот Елизара рвал и метал, проклиная русское коварство.

Певец пустыни Гоби, с досады хлопнувший стакан архи, привычно куражился: дескать, мы, монголы, полонили жалкую Рязань... то у него битва на Калке, то на Рязани... уложили русичей, на телеса их постелили доски и пировали, празднуя победу. Хотя и смешно было слушать похвальбу от вырожденца, глаза которого, словно конские шоры, укрывали толстые очки, хотя и бредил пьяный, но Елизара... худо-бедно единовец, единокровец рязанских ратников... взбесил нахвальщина: «Врёшь ты всё, пёс поганый!.. Сроду русских шлемоносцев не стелили под столешню! А что смертным боем били русские богатыри вашего брата-арата, так это верно...» Подрались бы, словно на поле Куликовом, но монгол вовремя спохватился, замял ссору; смекнул, чай, не в пустыне Гоби, в Русской земле живёт, русские парни мигом рога обломают.

А на другой день после ревсомольской попойки приятели-писатели, заслав брань, мысленно порешив, кто старое помянет, тому – в глаз, бредили о модных в ту пору туманных мудрецах Ницше и Шопенгауэре, об изящных верлибрах¹ Поля Элюара, об экзистенциализме Альбера Камю, сюрреализме² Франца Кафки, о древнеяпонской лирике в стиле хокко и танка, об университетском барде Сокольникове, сочинившем в сей манере: «В Японии выпал снег, и розы постриглись в монахини...»

Вот и теперь, на берегу рукотворного моря, где гуляли студенты прохладной жизни, у светлого валуна, служившего столешней, монгол, вздыбившись, тут же утихомирился – шибко уж грозно глядел Елизар, словно вот-вот махнёт казачьей шашкой, и басурманская головушка с плеч долой, покатится в ивняк, заросший густой сухой травой. Но... пьяный – худой... Баяр вскоре кинулся на Арсалана:

– *Бурят* – от слова *буриха* – уклоняться. Монголы пошли на Русь, а буряты повернулись спиной... да, повернулись спиной, уклонились от похода, струсили...

Глаза Арсалана – два бамбуковых лука с незримыми стрелами – хищно сузились:

– Чего ты мелешь?! Как буряты могли повернуться спиной, если Тэмуджин, будущий Чингисхан, – бурят... – Баяр оторопело уставился на Арсалана. – Были племена хори-монголов, булагачинов... булагаты, ныне... и керемучинов... эхиритты теперь... которые и стали частью бурятского этноса... Прародительница чингисидов Алан-Гоа родилась на хори-туматской земле Баргуджин-Токум... ныне Баргузин... что вокруг Байкала. Предком Чингисхана по материнской линии был Хорилартай-Мерган – хоринский бурят...

– Арсалан, Еравнинский аймак, где я родился, вырос, граничит с Хоринским районом, – вставил Елизар, хотя Арсалан и глазом не повёл в его сторону.

¹ Верлибр (белый стих) – нерифмованный, ритмический стих.

² Экзистенциализм, сюрреализм – формальные направления в искусстве.

– ...и выходит, что Чингисхан родился среди хоринских бурят, которые издавна кочевали по берегам реки Онон. Археолог Киселёв доказал место его рождения – урочище Делюн-Болдок в Аге. Кстати, такое же урочище есть и по другую сторону границы, в Монголии, где тоже живут хоринские буряты. Но раньше границы не было, а была сплошь бурятская земля...

– Монгольская, – поправил Баяр. – И Чингизхан – монгол, а племена, про которые ты говорил, были монгольские племена. И бурятами стали через века, когда с тюрками смешались...

– Ладно, но *бурят* – не от слова *буряха*, а *буряад*... *баряад* – от слова *бар* – могучий, тигр...

– Ты – тигр?!

– Я – Арсалан, я – лев...

– Ты?.. лев?.. – Баяр всмотрелся в Арсалана: пышнотелый, малорослый, с неожиданно крупным бледно-рыхлым лицом, похожим на маску Будды. – Ты?.. лев? – Баяр засмеялся, потом захохотал, укрыв лицо руками, раскачиваясь на валёжине.

Сдуру засмеялись и приятели, оглядывая «льва», и Арсалан усмехнулся:

– Блеете, как бараны... А ты... далжа байһан ада шүдхэр... убуштэй буксэ¹...

Хлётко выговорил Арсалан монголу по-бурятски, и пересмешник, толмача в бурятском наречии, мрачно затих.

– А есть хакасская версия: *пыраат*, – сверкнул учёностью Елизар. – Под таким именем русским казакам стали известны монголоязычные племена, что жили к востоку от хакасов. А потом уж *пыраат* обратилось в русское *брат*. И стали эхириты, булагаты, хонгодоры и хори величаться *буряад*. А в русских летописях – *брацкие* люди, братья...

– Ага, братья... – ядовито усмехнулся Баяр. – Один русский мужик сказал: бурят родился, еврей горько заплакал...

Едва Баяр домолвил, как тут же и слетел с валёжины, словно пёс хвостом смахнул: над тихо шающим костерком мелькнули лакированные башмаки, и бедовая головушка угодила в ивняк. Парни оторопели, диву дались, как тихий и дебёлый Арсалан, даже не вставая с валёжины, умудрился дать монголу в лоб. Парни вскочили, зашумели, вытянули бедолагу из кустов, где тот чудом нашарил очки. Арсалан поднялся и, похоже, решил добавить монголу, но меж соперниками встал бугаистый Тарас:

– Что вы делаете?! Вы же один народ... Успокойся, Арсалан, прижми хвост... Языком болтай, а рукам воли не давай. И ты... Чингисхан!.. охолопись, иди сполосни лицо...

Когда вернулся мокроволосый и сникший Баяр, Тарас подвёл его к Арсалану:

– Баяр, извинись...

Монгол едва слышно, невнятно извинился, и Тарас силком сплёл ладони земляков, потом велел:

– Миритесь!..

Елизар добавил ребячью присказку:

– Мирись, мирись и больше не дерись! А если будешь драться, то я буду кусаться.

– Говорят, в общаге два монгола-журналиста подрались, один другому ухо откусил, – вспомнил Ягор. – Говорят, с голоду...

– Говорят... – усмехнулся Тарас. – Говорят, москали кур доят...

– Давайте, мужики, выпьем чашу мировую, круговую! – Елизар лихо плеснул в ржавые чарки. – В любви и дружбе нам хама угэ², бурят ты или русский, еврей ты аль татарин. В любви несть ни эллина, ни иудея... За дружбу народов!

Други, вспомнив земли отичей и дедичей, вдруг с усладой и отрадой заговорили на родных наречиях.

– Людина без друзів, що дерево без коріння! – возгласил Тарас.

– Сяброўства!³ – Ягор взметнул стакан.

– Найрамдал!⁴ – согласился Баяр.

¹ Далжа байһан ада шүдхэр... убуштэй буксэ – взбесившаяся нечистая сила... глупая задница.

² Хама угэ (бурят.) – всё равно.

³ Сябросўтва (белорусс.) – дружба.

⁴ Найрамдал (монгол.) – дружба.

- Нухэрлэгэ!¹ Танилтай хүн талын шэнээн, танилгүй хүн адхын шэнээн², – благословил здравичу и Арсалан, остывший, после Баяра окунувший буйною головушку в закатное море.
- Дружба, як дзеркало: розіб’еш, не складеш, – подхватил Тарас.
- Эльбээргэ хайтай булган элэхэгуй, эб нэгэтэ хунууд илагдахагуй³, – Арсалан вспомнил любовную побаску.
- Еврейский народ породил Христа, а всякий иной народ – бурятский, монгольский, русский – гениев добра, – рассудил Елизар. – А негодяи во всяком народе водятся...
- Ойн модон үндэртэй набгартай, олон зон-хайнтай муутай⁴, – Арсалан опять заговорил по-бурятски, словно, бежав из британского плена, очутившись в двуречье Уды и Селенги, ошалел от родной речи.
- Я же в русско-бурятском селе вырос, и тамошний поэт Василий Байбородин песню сочинил, а в песне поётся, – Елизар не пел, а, помахая руками в лад, сказывал речетативом:

Резвится средь гор голубая Уда.
 На пастбищах сочных пасутся стада.
 В цветных полушалках луга и поля.
 Яравна, Яравна моя!
 Народ-богатырь в нашем крае живёт.
 Под солнцем свободным он счастье куёт.
 И русский с бурятом одна здесь семья.
 Яравна, Яравна моя...

После стиха Елизар пояснил:

- Яравна... Кочевали в Яравне тунгусы, потом... в начале семнадцатого века... казаки пришли, срубили острог Яравнинский, а потом и кочевые буряты явились, но!.. – парень погрозил пальцем грядущим супостатам, – но!.. русские силком не гнали эвенков и бурят под руку белого царя; те сами слёзно просились, чтобы не вырезали монголы либо маньчжуры...

Елизар почуял, что языком впустую молотил: лишь закатное море и ветерок, шелестящий листвою, согласно внимали словесам; Баяр хвастал Арсалану, что в третий год учения в Белграде говорил на сербском похлеще сербов; Тарас разливал «Столичную», а Ягор, задумчиво пощипывая струны, тихонько тянул:

А я лягу, прылягу
 Край гасцінца старога
 Галавой на пагорак
 На высокі курган.
 А стамлённыя рукі
 Вольна ў шыркі раскіну,
 А нагамі ў даліну,
 Хай накрые туман.
 А стамлённыя рукі
 Вольна ў шыркі раскіну,
 А нагамі ў даліну,
 Хай накрые туман.

На песню... шальные бабочки-метляки на костёр... потянулись и купальщицы, словно чаровницы-русалки всплыли из морской пучины, и вдохновлённые паренёчки суетливо, наперебой манили русалок к тихому костру, каменному столу; но девицы робели, таились в тальниковой тени. В ночных

¹ Нухэрлэгэ (бурят.) – дружба.

² Танилтай хүн талын шэнээн, танилгүй хүн адхын шэнээн (бурят.) – имеющий друзей подобен степи, не имеющий друзей – пригоршне.

³ Эльбээргэ хайтай булган элэхэгуй, эб нэгэтэ хунууд илагдахагуй (бурят.) – меха соболя неизносимы, дружные люди непобедимы.

⁴ В лесу бывают деревья высокие и низкие, среди людей бывают хорошие и плохие.

бабочках, хотя и облачённых в платьишки, Елизар признал купальщиц, что сразу за черёмушником коптились на жарком солнышке, вялились на морском ветру, и одна из них заушила Ягора, когда тот дал волю баловным рукам.

– Господа, уступите барышням кресла, – велел Тарас, и трое – Елизар, Арсалан и Баяр – слетели с бревна, на кое дивчины стеснительно сели.

Тихо, чтобы не рушить песнь, Елизар спросил Тараса:

– А как по-украински «Я тебя люблю»?

– Я тэбэ кохаю. А любимая – кохана... А по-белорусски «Я цябе кахаю».

– А я могу девушке и по-бурятски загнуть, – прихвастнул Елизар. – Би шамда дуртэб...

Арсалан колюче покосился:

– Русские девки всем на шею вешаются. Им до фонаря, азер, грузин, армян... А у бурят строго...

Елизар, затаив обиду, ответил:

– У русских тоже было строго... А если любовь?.. Там же не смотрят: бледнолицый, краснолицый...

– ...Чингачгук Большо-ой Змей, – досказал Тарас, подымая чару. – Ну что, дивчины, может, отведаете?.. – Те замахали руками. – Ну, хлопцы, тогда на посошок... А потом – стремянная... Ягор!

Песняр помотал головой и дальше повёл грусть-тоску:

Вы шуміце, шуміце
Нада мною, бярозы,
Асыпайце, мілуйце
Ціхай ласкай зямлю.

Звёзды высыпали на тёмно-синем небе... Арсалан, безмятежно откинувшись на траве, задремал под белорусский мотив, хотя и пробормотал спросонья: «Подыщите мне красивую бурятку...» К плечу его притулился Баяр, очкастый, сухонький... и в чём душа держится?! чёрный костюм висит как на плечиках... Монгол, посмеиваясь, что-то бормотал на степном наречии: может, привиделась бескрайняя жёлтая степь, отара овец, серым облаком плывущая к багровому закату, белая войлочная юрта, сизый дымок костерка и молоденький чабан с девушкой... седло к седлу, нога к ноге... рысят к юрте на коренастых, мохноногих монгольских конях; и паренёк говорит милой о любви: «Би та нарт хайртай...»¹ – отчего бугристые девичьи щёки горят стыдливым полымем, а глаза смущённо опускаются тенистыми ресницами.

А я лягу, прылягу
Край гасцінца старога,
Я здарожыўся трохі,
Я хвілінку пасплю.

Елизар слушал, млено глядел на догорающий костерок, озирал чёрное море, где трепетали и вытягивались цветастые отражения городских огней, и сизым миражом оживали в памяти Елизара сухие забайкальские увалы, за коими синела тайга; виделось родимое село... зорево позолоченные избяные венцы, пылающие избяные окна... где в братчинных помочах и потешном, балагуристом ладу жили русские – рыбаки да таёжники, и буряты – чабаны да охотники, где вешним жаворонком отпела его юная степная страсть к раскосой и скуластой, что в долине целовалась с желтоликим солнцем...

2014 год

¹ Би та нарт хайртай (монгол.) – я люблю тебя.